



**Андрей Владимирович Лисьев** родился в 1971 году в городе Минске. В 1992 году окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО, лейтенант запаса. По второму образованию — финансист. До 2015 года работал в различных финансовых учреждениях. В настоящее время — генеральный директор ООО «Фортуна V». С августа 2022 года проходил службу по контракту в ВДВ. Автор нескольких книг исторической и социальной научной фантастики, а также военно-патриотических повестей «Не прощаемся» и «За каждый метр». Лауреат конкурсов «Твои, Россия, сыновья», «Герои времени Z», премии «Литературной газеты» «Серебряный Дельвиг». Живет в Москве.

**Андрей Лисьев**

## ЗА КАЖДЫЙ МЕТР

*Рассказ*

*Памяти Героев России  
Д.Г. Дементьева, А.С. Досягаева,  
Ж.Н. Раузова*

**И**ван облокотился грудью о бруствер окопа и в сотый раз оглядел лес. Светало. Рыжие сосновые стволы, мокрые от дождя, иссечены осколками и пулями. Хвоя осыпалась и густо покрыла воронки: мелкие — от мин, крупные — от снарядов. Биноколь Ивану не нужен — до опорника хохлов метров сто, а может, и меньше. Обе стороны, и русские, и украинцы, тщательно маскировали окопы. От наблюдателей, от снайперов и, самое главное, от коптеров. Второй номер Гвоздь потянулся, он сидел рядом на полене, и тяжело вздохнул. Гвоздю не пришлось докладывать Ивану, тот сам услышал шорох. Кто-то тронул его за плечо, и Иван уступил место Теме, пожал командиру руку и сел рядом с Гвоздем.

Их наблюдательный пункт — двухместный окоп, секторы стрельбы обращены в сторону противника. Недавно танковый снаряд ударил под корень сосны, разметал пригорок, крепкий, грибы такие любят. Воронка вышла несимметричная, ясно же, наш танк стрелял, ее и раскопали под НП. Потому с тыла окоп пологий, сверху — по-прежнему воронка. Один сектор стрельбы — аккурат под поваленным стволом,

второй прикрыт мелким щитом под толстым слоем песка и хвои. Все вокруг густо присыпано сучьями. Чужак ненароком обязательно наступит и выдаст себя хрустом. Но сучья от многодневных дождей размокли — не хрустят.

Иван с удовольствием вытянул ноги. Скоро рассвет, облачность стала выше, значит, полетят коптеры. Иван еще раз осмотрел окоп: нишу для боекомплекта — коробки с пулеметными лентами сухие; узкую щель — укрытие от обстрела; щит над головой — не капает. Оператор коптера даже с тепляком не разглядит никого сверху: воронка как воронка, бурелом как бурелом. Весь лес Серебрянского лесничества изуродован войной.

Иван подышал на кончики пальцев, согревая, зимние тактические перчатки он так и не стал носить, обошелся летними. «Вот и перезимовали», — подумал он. Извлек из рюкзака термокружку. Чай за ночь остыл, но пить можно.

Тема сполз спиной по стенке окопа, сел рядом, протянул Ивану картонный планшет, к которому канцелярским зажимом был прикреплен лист А4. На листке — передний край, рука у Темы твердая, рисунок — почти карта. Тема постарался изобразить и завалы, и перепады высот — любая горка важна. Штрихами обозначены будущие секторы стрельбы. «Значит, в атаку идем, — догадался Иван, — а я только настил на пол НП собрался постелить. И бревнышек подобрал одинаковых». Гвоздь занял место наблюдателя у пулемета. Иван протянул Теме термокружку.

Тема — командир роты, хоть и сержант. Их предыдущий командир старший лейтенант Раизов погиб в сентябре. Герой России посмертно. Тема пришел посоветоваться с Иваном, потому что следующим командиром роты быть ему. Комполка Аляска и так выбирал между ними двумя, но выбрал Тему. Не важно! Место Ивана во второй «тройке» атакующих. С пулеметом. Первая «тройка» зайдет в окоп с правого фланга, начнет зачищать, двигаясь к центру навстречу второй штурмовой «тройке». Иван с Гвоздем пойдут правее, с ними Заноза — сейчас он оператор антидрозного ружья. Летом таких ружей еще не было.

Иван посмотрел на схему атаки, нарисованную Темой, и уточнил:

— Вот тут лягу, вот тут — видно будет — нет, вот тут лягу, а вот тут мне некомфортно будет. Пусть лучше снайпер работает.

Иван заметил значок снайпера на схеме, но не понял, как тот будет двигаться.

— Усиление будет? — спросил он.

— Миномет 82, «Нона», и танк обещали, — ответил Тема.

Они, настороженные, умолкли. Тема явно хотел что-то добавить, но первым высказался Иван:

— Что-то больно жирное усиление.

— Дело пойдет, следующий опорник сразу возьмем. «На плечах».

Иван посмотрел на схему — второго ряда хохляцких опорников на ней нет. Надо бы достать смартфон, развернуть приложение с картой. Но никакая топографическая карта не покажет нужных в атаке подробностей. Но здесь каждый бугорок важен.

— Ротный опорный пункт развернем, — продолжил делиться планами Тема.

Иван поморщился:

— А соседи? — он показал правое пустое место за схемой.

— Второй батальон.

— Но у них редколесье.

Тема махнул рукой, свернул кружку, забрал у Ивана планшет со схемой и сунул его под броник. Они прислушались. Жужжание коптера не слышно, лишь легкий ветер качал уцелевшие сосновые стволы.

— Командир, движение на два часа, — доложил Гвоздь.

Тема и Иван вскинулись: для Гвоздя они оба — командиры. Но расчищенный сектор наблюдения узок для троих, потому Иван осмотрел передний край вторым.

Силуэт человека, напоминающий ком листвы и хвои, двигался в их сторону короткими перебежками от одного поваленного дерева к другому. Иван заметил длинный ствол с глушителем и понял причину спокойствия Темы. Это возвращался наш снайпер.

— Уйгур, — уточнил позывной снайпера Тема и снова извлек планшет из-под бронжилета.

Снайпер проскочил мимо НП, бойцы терпеливо ждали, пока Уйгур сориентируется. Наконец, тот выглянул из-за сосны, нашел Тему взглядом, словно спрашивая: «Можно?». Тема кивнул. Уйгур на четвереньках переместился в окоп, в его движениях чувствовалось что-то звериное и комичное. «Небрежное, — рассердился про себя Иван, — демаскирует нам НП!»

Уйгур напоминал монгола: лицо маленькое, потное, узкие глаза сверкали охотничьим возбуждением. Ни слова не говоря, он у входа в окоп вскинул три пальца. Плюхнулся рядом, пытаясь отдышаться.

Тема протянул Уйгуру планшет.

— Вот здесь, здесь и здесь — чисто, — снайпер показал три секции украинского окопа.

— Начало атаки через десять минут, — объявил Тема.

Тема и Уйгур ушли. Гвоздь вернулся на место наблюдателя, а Иван закрыл глаза еще минут на десять.

Артподготовки не будет? Атака по-тихому?

В метрах двадцати от наблюдательного пункта прошли трое из штурмовой группы. Иван узнал одного — высушенного брюнета с темным злым лицом. Его имени Иван не помнил. Помнил, что штурмовик — мобилизованный, бывший «вагнеровец», два ранения и ни одной награды. Штурмовая «тройка» бесшумно ушла тем же маршрутом, которым пришел Уйгур.

Из-за спины появился Заноза с широким, как в фильме о пришельцах, антидроновым ружьем. Из разгрузки Занозы торчала собственная рация.

— Приветствую! — Заноза бережно положил ружье на дно окопа.

Иван посмотрел пять кнопок частот чуть выше рукоятки, но спросить, по какому принципу их выбирают, не успел. Еле слышно прошелестели лопасти пропеллера высоко над лесом. Наш коптер полетел работать.

В ста метрах от НП по украинскому окопу начали ложиться мины. Выходов Иван не слышал, только прилеты. Земля вздрагивала — расстояние маленькое. С настила струился песок, с деревьев ссыпалась хвоя. Начал работать танк. Огнем с закрытых позиций он отсекал возможное подкрепление со второй линии украинской обороны. Иван услышал вторичный разрыв — хлопок гранаты. Значит, мина задела растяжку, которую не заметили штурмовики.

Минометный обстрел прекратился. Иван с пулеметом наперевес, Гвоздь с запасными коробками боеприпасов в бауле — автомат за спиной — и Заноза с антидроновым ружьем бегом покинули НП. Их первая

точка — в тридцати метрах, над головой свистят пули. «Не наши!» — порадовался Иван.

— Своя! — Он услышал крик бывшего «вагнеровца».

Этим криком члены штурмовой группы предупреждают товарищей о броске гранаты.

Хлопали гранаты, трещала стрелковка.

— Своя!

Иван и Гвоздь перебежали ко второй точке, упали на мокрый песок, установили пулемет на сошки. Уйгур — красавя, хорошие места нашел. Заноза куда-то делся.

Между первой и второй линией украинских окопов находились одиночные ячейки, откуда обстреливали бойцов, штурмующих первый опорник. Из-за деревьев появились фигуры в камуфляже, это — украинское подкрепление. Двигались грамотно, от укрытия к укрытию, стрелки из одиночных окопов прикрывали их огнем.

— Граната!

Таким криком десантники предупреждают своих о гранате врага. Иван посмотрел влево. Боец за шиворот тащил из украинского окопа раненого. Вторая тройка штурмовиков спустилась в обмелевшую траншею. Где-то дальше в одиночку дрался «вагнеровец». «Таха!» — вспомнил Иван его позывной.

Иван сделал глубокий вдох, такой же глубокий выдох и, спокойный — их позицию еще не обнаружили, — открыл огонь по зеленым фигуркам, мечущимся между стволами сосен.

Отстреляв магазин, он покосился влево: над украинской траншеей мелькали лопаты. Десантники захватили опорник и сейчас копали новые боковые ответвления от траншеи. Дело в том, что окопы пристреляны украинской артиллерией с точностью до метра и необходимы новые укрытия. Никто из украинцев из первого окопа живым не вышел.

Украинцы из второго опорника не успели прийти на помощь первому: Иван с Гвоздем отработали хорошо. Уцелевшие отходили назад, те, кто их прикрывал из одиночных окопов, убегали следом. Мины парами падали среди сосновых стволов там, где располагался второй опорный пункт.

Иван всматривался, что-то его беспокоило. В самом деле, второй опорник оказался в низине, мины и танковые снаряды сорвали маскировку с брустверов, и секторы стрельбы стали четко видны. Иван поменял позицию и открыл огонь по каскам натовского образца, то и дело мелькающим над украинской траншеей. На касках — ярко-зеленые нашлепки.

— Вперед! — скомандовал Тема и первым выпрыгнул из захваченного окопа.

Минометный обстрел прекратился.

До второго опорника метров сто, может, сто двадцать, одиночные стрелковые ячейки пусты. Иван понял намерение командира. Пока украинцы не пришли в себя, можно захватить и второй опорник, раз уж они его так по-дурацки выкопали. Иван подхватил пулемет и побежал вперед. Рядом мчался Гвоздь.

В атаке должны участвовать восемь штурмовых троек, кто-то наверняка ранен после первой атаки, кто-то должен остаться в боковом охранении. «Я?» — мелькнуло в голове Ивана.

Второй окоп рядом. По ним стреляли, но Гвоздь одну за другой метнул четыре гранаты. Первая — недолет, вторая — перелет, но дальше то-

варищ прировнился, успокоился, третью и четвертую гранаты положил аккуратно в траншею. Иван короткими очередями бил по каскам украинцев, но они сместились левее, ближе к центру опорника.

Иван отбежал метров на двадцать правее, выбирая позицию для пулемета. Товарищей придется прикрывать от возможного флангового удара. Сверху, цепляясь за сучья, упал коптер. Наш? Подавили?

Иван обернулся и увидел Тему.

Тот, высунувшись из окопа в полный рост, обернулся к своим отставшим десантникам и крикнул:

— Эй! Я уже здесь!

Пуля ударила его в ухо. Ивану показалось, что каска на командире стала мягкой, подобно яичной скорлупе. Он хотел было сплюнуть, но вдруг ощутил себя на земле уткнувшимся лицом в песок. В ушах звенело. Он поискал руками пулемет. Гвоздь рядом что-то кричал.

К Ивану вернулся слух. Опорник перемешивали огнем из пулеметов, похоже, било что-то крупнокалиберное.

— ...мешок! — услышал наконец Иван крик Гвоздя.

Второй опорный пункт оказался ловушкой: в низине, окруженный пулеметными гнездами, простреливаемый насквозь.

Иван развернул пулемет вправо, оставляя опорник за спиной. «Справа должен идти второй батальон, — подумал он. — Продержимся».

Пуля прошла правую руку навывел, задев кость. В глазах у Ивана потемнело. Снайпер. Тему тоже убил снайпер. «Я уже не боец». Это понимал и Гвоздь, он схватил товарища за карабин, который у всех крепится сзади к бронежилету, повалил на спину и потащил. Но недалеко. Буквально метр.

— Я сам могу! — крикнул Иван.

Но Гвоздь его уже и так никуда не тащил. Чтобы понять, что произошло, Иван, опираясь на здоровую левую руку, сел и обернулся. Пулей Гвоздя отбросило на полтора метра, и это был больше не Гвоздь. Бывший секунду назад Гвоздем десантник лежал на спине, и лба у него не было.

«Снайпер!» — чуть не плакал Иван. Он смотрел на оставшийся в ногах ПКМ — пулемет стоял на сошках. «Сейчас я!..» Иван мысленно готовился стрелять левой рукой, представляя, как прижмет приклад пулемета к плечу, как нащупает предохранитель...

«Откуда стреляет эта сука?»

Иван оглянулся, но боль в простреленной руке застилала глаза. «Ага, вроде, оттуда... — определил он. — Сейчас я тебя...» Опираясь на здоровую руку, он двинулся к пулемету, встал на четвереньки. Очередная пуля пробила левую руку в том же месте, что и правую, — у самого плеча. Удар сильный — Ивана перевернуло и бросило навзничь. Пулемет — вот он — в тридцати сантиметрах, невредимый. Приклад, такой родной... стоит на песке. Но рука дотронуться до оружия как бы нет.

Еще одна пуля пробила левую руку в трех сантиметрах от предыдущей и уткнулась в пластину броника. «Издевается, сука! — подумал Иван о снайпере. — Сейчас добьет». Он услышал свист мины, 120 миллиметров. «Моя?!» Мина вонзилась в тело Гвоздя, что лежал справа на расстоянии чуть больше метра, и разорвала его. Гвоздь принял на себя большую часть осколков и взрывной волны, а Ивану досталось совсем немного — горсть мелких осколков впилась в правый бок, туда, где нет пластин в бронежилете. Словно раскаленный нож медленно вошел в почку, глубже, до кишечника, и провернулся. А уже свистела новая мина. Сейчас все кон-

чится! Но мина упала чуть дальше. Иван больше не чувствовал боли в простреленных руках, вся боль сосредоточилась в животе. «Держись! Ты не умер сразу, не потерял сознание, значит, осколки фигня, терпи! Боль отступит! Снайпер потерял к тебе интерес».

Комья земли от близких разрывов сыпались на каску, на лицо, на бронезилет, на ноги... Присыпало сильно. Накрыло, как кисеей. Иван открыл глаза, но, запорошенные песком, они слезились, и он не видел неба, лишь тени безголовых сосен над головой.

«Сейчас я усну!» Ноги тяжелые, тянули вниз, в глубь земли. «Вот и хорошо». Он вытянул ноги, словно на кровати. Земля впитывала кровь из ран Ивана. Земля казалась мягкой и упругой одновременно. Ни один сучок не впивался в спину, он погружался. «Земля!» — радовался Иван. — Она больше не липкая противная грязь. Земля! Родная! Принимай!» Иван часто моргал, пытаясь избавиться от песка, попавшего в глаза. Небо стало голубеть, вот-вот рассвет. Тени сосен ускользали в сторону.

«Полетели! — скомандовал себе Иван и закрыл глаза. — Сейчас я усну! И наконец отдохну!»

Боль отступила, стала ноющей, убаюкивающей. Иван сделал глубокий вдох, преодолевая тяжесть броника на груди, и такой же глубокий выдох. Бронезилет больше не давил. Иван улыбнулся. Все!

\* \* \*

«Я же умер?» Иван очнулся от необычного ощущения вдоль целого левого бока. Что-то с шелестом скользило мимо него, а он этому чему-то мешал, весь такой тяжелый, большой и живой. «Я живой...» Пульсирующая ноющая боль в руках напомнила о пулевых ранениях. «А живот? Про внутренности лучше не думать, сколько из меня крови вытекло? Сейчас шевельнусь, и меня добьет снайпер, — подумал Иван и решил еще поспать. — Вокруг тишина: ни арты, не стрелкотни. Может, я все-таки умер? А что за фигня скрипит рядом, спать мешает?»

Иван открыл глаза. Те же сосновые стволы склонялись над ним, серое небо в вышине. Перед смертью небо голубело. Сколько же сейчас времени? Мысль о часах на запястье отдалась болью в левой руке. Лучше не шевелиться! И не думать об этом! Еще немного отдохнуть. Иван закрыл глаза и прислушался.

«Где я? Опорник в огненном мешке наши вряд ли удержали. Значит, я у хохлов? Они б меня прикопали, чтобы не вонял». Нос заложило, Иван посопел, высморкался, пытаясь прочистить нос. Начало крутить болью внутренности. Он замер в надежде унять ее. «Да, пахнет мертвечиной. В отрубе я пролежал прилично. Снова клонит в сон. Ты дурак? Какой сон?» В плечо уткнулось что-то костлявое. Иван открыл глаза. «Мавик-3», без тепляка, весь изломанный, перемазанный в грязи. Оператор предвидел, что коптер подает РЭБом, и, чтобы не увели, привязал его леской. Сейчас тянул по кустам, сучьям и окопам к себе. А чей коптер? От «мавика» отломался очередной крошечный пропеллер, зацепившись за плечо Ивана, но коптер двинулся по песку дальше. Ухватиться бы за него, записку написать, попросить о помощи — да нечем! И потом, чей это коптер? Обе стороны используют китайские игрушки, обе стороны применяют РЭБ, обе стороны привязывают дроны леской, если лететь на разведку недалеко. Может, в степи это и уместно, а здесь, в лесу, фишка бесполезная.

Иван пытался вспомнить, в каком направлении наши? И вдруг понял,

что чудовищно замерз! Пулемет у ног — значит, ползти надо назад. От пулемета. Ползти? А как встать без помощи рук и не используя пресс? Иван думал. Левая рука измочалена двумя пулями, правая — одной, но справа осколки в боку. Иван прислушался к себе, какая из ран болит сильнее? Один черт! Надо попробовать!

Он попытался перевернуться на левый бок, вышло это с трудом. Ивана прилично присыпало землей от разрывов. Больно! Иван закусил губу, стараясь утопить перебитую левую руку поглубже в рыхлый песок, сучил ногами, пробовал прижать колени к груди. Стылая спина не гнулась. В глазах темно. Он дождался, пока боль утихнет, пока вернется способность соображать. Нет, это не в глазах темно, это — вечерние сумерки.

Через несколько минут Иван уперся лбом в землю, перевернулся и подsunул левое колено под себя, поставил ногу на стопу и... Толчком встал, балансируя, стараясь распределить боль в животе на обе ноги. Кровотечение возобновилось. Кровь потекла по бедрам в берцы. Надо поспешить. Иван оглянулся, увидел опорник хохлов. Первый, захваченный утром. Искореженные снарядами траншеи. Наши — дальше. «До моего НП метров сто двадцать. Не дойду!» Он шагнул и пошел, слабея с каждым шагом. Девять шагов! Испарина на лбу, которую не утереть.

— Стой, кто идет?

Иван завертел головой: откуда кричат? Крик на русском без акцента. Свой?

— Стой, стрелять буду!

Иван прохрипел в сторону темнеющего входа в блиндаж. Два наката бревен поперек траншеи, вот и весь блиндаж. Слова не шли из пересохшего рта. Иван сипло выдохнул и прошептал:

— С-с-с-с-вои-и...

— Кто свои? Позывной?

— Саноса, ты?

— Ваня?.. Живой!!!!

Иван, подавшись вперед, чуть не упал в окоп:

— Да...

Споткнулся о тело убитого. В вечерней тени не понять, наш или украинец, но падать нельзя! И Иван устоял. Обошел покойника.

— Иван! Ты сам как-нибудь, а? — попросил Заноза.

Иван не ответил. Лицо оператора антидронового ружья белело в темноте блиндажа.

— Мы раненые тут все, неходячие, — сказал Заноза.

Вход в блиндаж загораживали два мертвеца, сложенные друг на друга.

— Обезбол есть? — шепотом спросил Иван, переступая через убитых, и оказался внутри.

Три пары обутых в берцы ног торчали из темноты, шевелились. Живы! Заноза сидел у входа, привалившись спиной к бревенчатой стенке. Обе его ноги выше колен были перехвачены жгутами, бинты поверх штанов почернели от крови. Бледный, как смерть, Заноза баюкал автомат:

— Нету!

— Найди обезбол в моей аптечке. Я не могу, — попросил Иван, усаживаясь поудобнее.

Ноги опять тяжелые. Иван закрыл глаза. Почувствовал, как Заноза рылся в его аптечке на поясе. Потом в бедро впился шприц.

— Ты, если можешь идти, уходи, — в словах Занозы прозвучала неясная горечь.

— Не дойду.

— Если у тебя только руки, дойдешь.

— У меня живот, — Иван обнаружил, что сидит в луже собственной крови.

— Мы хохлов ждем, — хриплый незнакомый голос из темноты.

Иван присмотрелся. На Занозе не было бронезилета. А в левой ладони товарищ зажал гранату. Кольцо на месте.

Заноза покосился на висящие, как плети, руки Ивана:

— Когда придут, ты меня грудью накрой. Вместе подорвемся.

— Вместе, — согласился Иван.

Он видел время на часах Занозы, выходило, что провалялся в лесу девять часов. Вот и вышел к своим. А толку? Все равно помирать. Промедол начал действовать.

— Аляска — сука, — вспомнил командира полка ближайший раненый, — загнал нас в ловушку.

— С коптера не видна глубина окопов, — возразил второй, — он мог не знать.

— Не жалко им нашего брата, — застонал третий.

— Это преступление... — у первого раненого перехватывало дыхание, в горле у него что-то булькало, но он продолжил: — Нашего первого комбата помните, как убило? То же самое было. Атака на неподавленный опорник. Все ж слышали в эфире, как комбат, царствие ему небесное, Аляску трехэтажным обкладывал.

— Но комбат пошел... — не согласился второй, — и подвиг свой совершил, пацанов не бросил, спас.

Иван боролся с ускользящим сознанием. Потряс головой и, на всякий случай, уточнил:

— Меня слышно?

— Да, братан, — откликнулся третий, который лежал в самом дальнем углу.

Иван не видел их лиц, не узнавал голосов, хотя первого вроде должен знать, ведь Иван тоже был под Васильевкой.

— Мы все — люди... А человек ошибается. Разница лишь в том, кто сколько на себя берет.

Иван умолк, ему никто не возражал, и потому он продолжил:

— И цена ошибки у всех разная. Снайпер ошибся — одна цена, взводный ошибся — другая.

— И цена ошибки — жизни, — перебил второй.

— Нашшши шизни, — прошипел третий.

— Аляска — кэп, он берет на себя много, всех нас. И цена ошибки Аляски очень высокая. — Иван сглотнул и начал говорить быстро, нутро наливалось смертельной тяжестью. — Будь я на его месте или ты... Кто нас знает? Как ошибались бы мы?

— Везде бардак, — третий раненый попытался засмеяться.

— Да уж, я б накосячил так накосячил, — булькнул первый. — Но все же...

— У Аляски хоть результат есть, — перебил его второй.

— Да, — кивнул Иван, — результат есть, полк идет вперед, значит, мы гибнем не напрасно.

— А здесь? — спросил первый.

— И здесь, — вступил в разговор молчаливый до сих пор Заноза, — Аляска цепкий, силы в кучку соберет, мозги всем расправит и... вперед!

— И потом, — Иван спешил высказаться, тяжесть из живота растеклась вокруг и давила даже на уши.

Похоже, ОНА подошла и стоит близко, у самого входа в блиндаж. Тяжесть снаружи блиндажа — это ОНА!

— Представьте, что Аляска сейчас чувствует, сидя на ППУ?

«Я успел! — подумал Иван. — Успел заступиться за командира! Сказал главное! Теперь пусть приходит!»

Но глухая тяжесть обволакивала блиндаж и как-то неуверенно пульсировала, словно кровь в висках.

«Мимо иди», — прошептал Иван ЕЙ, роняя подбородок на грудь и ускользя в беспамятство.

\* \* \*

— Тихо, пацаны! Тихо! Я — медик из пятого батальона. Хьюстон. За вами пришел.

Иван открыл глаза. Из нагрудного кармана огромного медика еле светил голубым фонарик смартфона. Медик стоял на коленях, перегнувшись в поясе под низкими накатами блиндажа, и внимательно рассматривал лежащих на полу раненых.

— Тихо, малой, тихо! — Хьюстон нашел в песке между Занозой и Иваном колечко и аккуратно вставил назад в чеку гранаты, которую по-прежнему сжимал в руке Заноза. — Вот так-то лучше.

Над головой коротко ударил пулемет.

— Это наш! Прикрывает.

Иван слышал, как в темноте копошится медик, осматривая раненых.

— Еще гранаты есть? Кольца где? Решительные парни! Я с вами посижу сейчас! Спокойно, малой!

Хьюстон добавил яркости экрану смартфона и осмотрел складки одежды раненых, песок между ними, нашел одно кольцо, другое.

— По очереди, лады? — с колючим на указательном пальце медик двумя руками обхватил посиневший от напряжения кулак ближайшего к Ивану раненого, оторвал его от груди:

— Осторожно, вот этот пальчик отожди, хорошо?

Хьюстон нашел отверстие в чеке, вправил туда кольцо, уверенно разогнул усики.

— Все! Можно отпустить гранату!

Еще одно колечко сверкнуло в песке между колен медика, но третий раненый бесшабашно протянул ему гранату сам.

— Аккур-р-ратно!

Все в порядке, чека доступна. Медик аккуратно сложил обезвреженные гранаты в рядок у стенки окопа. Запалы из них он не вывинчивал, вдруг пригодятся?

Хьюстон притянул к себе медицинскую сумку, осмотрел раненых, но из-за его спины в темноте Иван не видел подробностей. Он прикрыл глаза и открыл их лишь когда услышал копошение рядом. Медик осматривал турникеты и повязки на ногах Занозы, цокал языком, хмурился. Ивана Хьюстон осмотрел последним и вынес вердикт:

— Братан, тебя первым потащу.

Иван не ответил. Хьюстон перевязал ему руки, достал из сумки два

кровеостанавливающих брикета и сунул их Ивану под измочаленный броник с правого бока, потом добавил третий.

— В сознании? В сознании! Терпи!

Медик схватил Ивана за подмышки сзади и вытащил из окопа. Затем поволок по земле, ухватив за броник. Иван, как мог, помогал, упираясь пятками, но сил у него оставалось немного. Ивану хотелось закрыть глаза, но над ними свистели пули, некоторые в темноте падали рядом. Крошили и без того истерзанные пригорки. Хьюстон отдыхал у развороченных корневищ, пока в древесину впивались пули. Иван ждал. Пулемет бил все ближе и ближе. Будучи пулеметчиком, Иван угадывал, когда коллега перебежал на другую позицию, когда менял ленту. Иван слышал мат пулеметчика, когда медик перетаскивал его через три слившихся воедино воронки от снарядов. Но едва Хьюстон перетащил Ивана через гребень, пулемет смолк.

— Твою ж!.. — выругался медик и обернулся к Ивану: — Тута будь! И исчез в темноте.

Иван уставился на блеклые звезды и прикинул, сколько они проползли? Где-то полпути до первого опорника. Там же наши... Пятый батальон. Хоть один опорник, но взяли!

Хьюстон перевалил через гребень тело пулеметчика, при виде лица которого у Ивана мороз пробежал по коже. Пуля пробила пулеметчику глаз и вышла через висок. На вид рана страшная, но неглубокая — пулеметчик оставался в сознании, лишь дышал часто-часто. Пулеметчика Иван не узнал, видать, тоже из пятого батальона.

— Вставай и иди! — крикнул Хьюстон пулеметчику. — Подумаешь, глаз! Я пацанов не могу там бросить! Я разоружил их! И на помощь позови! — Сейчас!

Изуродованный пулеметчик силился встать с четверенек, раскачиваясь. Иван отвернулся, он не понимал, почему медик не перевязал пулеметчика, но ответ на непрозвучавший вопрос последовал немедленно. Хьюстон из соседней воронки открыл огонь из пулемета. Короткие очереди удалялись в сторону блиндажа с ранеными.

Наконец пулеметчик рывком встал и, наклонившись, посмотрел на Ивана единственным глазом. Иван вдруг понял, что не умрет, улыбнулся и потерял сознание.

